

Владимир Дробышев

СТИХОТВОРЕНИЯ

Общество сохранения литературного наследия

Москва, 2015

Владимир Дробышев

СТИХОТВОРЕНИЯ

Общество сохранения литературного наследия

Москва, 2015

Посвящается годовщине со дня кончины и
светлой памяти автора — Владимира Васильевича
Дробышева (18.12. 1934 — 18.10. 2002)

Владимир Васильевич Дробышев: Стихотворения.
— М.: О-во сохранения лит. наследия», 2015 — 62с.

В сборник включены лучшие стихотворения,
написанные автором в разные годы.

© Василий Дробышев, 2003 г.
© Общество сохранения литературного наследия (ОСЛН), 2003 г.

* * *

Своя у каждого печаль,
свои у всякого заботы —
хватает каждый день работы—
нет времени взглядеться в даль.
Но вдруг очнешься лишь на миг
и тут откроешь, как впервые,
внезапно глянешь: вновь возник
извечный мир родной России.
И станет так душа чиста,
а горизонты — необъятней.
И бытие, и простота
доступней станут и понятней.

* * *

Рука не пишет вензелей,
душа скорбит и мается,
а я грущу, грущу о ней,
как это полагается.

И память стынет на краю,
Утраты — забываются.
А я о ней, о ней пою,
так это полагается.

Нет, не вернуть ушедших дней:
их больше не встречается.
А я — скорблю, скорблю о ней,
как это полагается.

* * *

Над солнечным палящим летом,
над одуряющей жарой,
встают холодные рассветы,
пылает пламень голубой.

Мерцают дальние зарницы
и кажется душе простой,
что фантастические птицы
над степью тешатся игрой.

Но точно знает в даль глядящий —
реален всполох тот и свет.
И слышит рокот уходящий
сквозь небо рвущихся ракет.

* * *

О Русская земля, ты уже
за шеломянами еси...

Слово о полку Игореве

Не страна разорилась —
сам я крах претерпел,
и душа удивилась:
сразу вдруг опустел!

Ничего не осталось
у меня за душой.
Хоть бы самая малость!
Хоть бы тихий покой!

Нет, покой и не снится,
будто я виноват,
что родную столицу
взял нечистый в обрат.

И работа не спорится,
за что ни берусь —
стонет, плачет со звонницы
родимая Русь!

Пляшут бесы, смеются,
корчат рожи свои...
Ну когда же проснутся
мои соловьи?..

* * *

Во чужом пиру похмелье...
Русская поговорка.

Меня о многом не спросили,
не звали на победный пир,
и вот стою среди России,
гляжу на предвечерний мир.

И вижу омут речки тихой,
и вижу — облака над ней.
Не помню зла, не помню лиха
и тяжких отошедших дней.

Но обездоленное время
забыть не даст мне никогда
ни нашу боль, ни наше бремя,
ни баснословные года...

Какие битвы и сраженья
над нами вихрем пронеслись!
Победы стали пораженьем.

И это называлось — жизнь.

СТАНСЫ

Ты, невнятная юность моя,
моя доля, судьба и дорога,
не суди, не суди слишком строго,
что оставил родные края.

Глянул утром на ясной заре —
мир веселый под солнцем распахнут,
и луга терпкой мятой пахнут,
и трава от росы в серебре.

Захотелось за солнцем бежать,
захотелось шагать без оглядки
через сопки, через распадки
и от счастья и воли рыдать.

Вслед шумели таежные ели,
без боязни и страха я жил,
уставал, но не шибко тужил
под протяжную песню метели.

Не свернуть мне с дороги прямой,
не утратить вовек постоянства,
не залить и байкальской водой
жажду вечности, жажду пространства.

Все за временем я тороплюсь.
Бесконечная манит дорога.
Той дороги на всех слишком много.
В отчий дом я не скоро вернусь.

* * *

Стоит вспомнить о городе Братске —
и накатит невольная грусть.
Все тропинки его, все распадки
помню я и теперь наизусть.

Я случайно туда приехал,
в мае, недовольный собой,
а случилось, что город стал вехой,
стал родным, стал моею судьбой.

Там себя познал я впервые.
И теперь, где бы ни был я,
суматошные дни огневые
все преследуют, манят меня.

Мертвый свет прожекторный ночью,
рев моторов, горячий бетон,
как впервые, словно воочью,
мой спокойный преследуют сон.

Я внезапно оттуда уехал —
на удел замахнулся иной,
но остался тот город вехой
и живую моей мечтой.

СТРОКИ О ПРАВДЕ И ИСТИНЕ

На полупройдённом пути...

Иван Суриков

На полупройдённом пути
мне нелегко, однако,
иную правду обрести
и лезть с отребьем в драку.

Иную правду! Ну-ка, дай,
что прошлую заменит.
Какую правду? Не замай!
Да кто в нее поверит?!

Я новой правды не ищу.
Об этом не жалею.
Не веселюсь и не грущу
на радость иудею.

На полупройдённом пути
мне не остановиться.
И может правда прочь уйти,
а истина — светиться.

И будет истина светить
из вековой дали,
из той ли «дали, из дали»,
где мы и не бывали.

Оттуда правда не придет,
а вы и не лукавьте:
она вас мимо обойдет —
мне истину оставьте.

А то, что правды не искал,
в упрек мне не поставьте.
И это все, что я сказал.
Так прожил жизнь, представьте.

* * *

Синие хребты Хамардабана.
Как мне жаль, что их не видишь ты.
За байкальской гладью очень странны
их непостижимые черты.

Уплывают горы,
тают в дымке,
растворяются в вечерней мгле,
надевают шапки-невидимки,
исчезают в тихом сентябре.

Так непостижимы, так туманны,
так неясны эти горы мне...
Синие хребты Хамардабана
в золотой далекой стороне!

* * *

Так спокойна озерная гладь,
так леса хороши и тенисты,
ветры ласковы, реки чисты,
и разлита в полях благодать.

Катит лето покой и простор,
наливается зрелостью воля,
и знакомый родной косогор
не сулит ни страданья, ни горя.

Я вернулся мятежным сюда,
беспокойным и суетливым,
а простая речная вода
излечила своим разливом.

Мирно в озеро речка несет
сладко-чистые тихие воды,
вымывает с души непогоду,
поглощает тебя, небосвод

* * *

Что-то тоскливое, надрывающее сердце
было в этом диком и пустынном пейзаже.

Ф.М. Достоевский

В этом диком, пустынном пейзаже,
в обезлюдившем крае моем
злобно тянется тяжкое, вражье
и зовет, и кричит вороньем.

Глохнет крик в глубине преисподней
в обезлюдившем крае моем,
и горит мое сердце сегодня,
полыхает последним огнем.

Никуда от России не деться
в обезлюдившем крае моем,
догорит мое старое сердце —
пожалуют и вспомнят о нем.

Только нету в полях человека
и далеко людское жильё...
Придорожная сирая веха
в снег воткнута и в сердце мое.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДОРОГЕ

1

В пути

Стремительна железная дорога.
Гляжу — к стеклу настойчиво приник
усталый и задумчивый немного,
совсем еще не старый проводник.

А за стеклом вагонным — снег и холод,
а за стеклом туманным — темнота,
а я — беспечен, радостен и молод,
душа моя спокойна и чиста.

И ждет меня страна, и ждет работа.
Нелегкая.
Простая, как слова.
Работа тягостная — до седьмого пота.
И кружится от счастья голова.

Стремителен далекий скорый поезд —
он столько суток мчит меня в Сибирь.
Вот распахнет она и синь, и ширь,
прочтет свою запутанную повесть.

И в ожидании высоких дел
запомнил я раздумье человека,
привыкшего к стремительности века.
Отметил — долго он в окно глядел.

2

О пассажира

Скорый поезд — медленная скорость
в век ракетных громких скоростей.
А взглядишь, сноровка есть и спорость
мчать среди заснеженных полей.

Вот и мчит он, мчит не уставая.
Ночью тянет и под утро прет.
Рельсы путь ему обозначают,
тащит тепловоз его вперед.

За окном — привычная природа,
за окном — обыденный пейзаж.
А в вагонах скопище народа.
Разговоры. Смех. Ажиотаж.

Ночью — все плацкартные в постелях
(простыни оплачены за рубль).
Им теперь плевать на вой метели:
розовые сны придут к утру.

Все во власти четкого движенья,
и маршрут по пунктам им знаком:
от такой-то точки отправленья
до такой-то точки назначенья,
говоря казенным языком.

ВОСПОМИНАНИЕ О СТОЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Вырастают — стекло и бетон —
небоскребы на улицах старых,
и в закатных багряных пожарах
долго корчится небосклон.

Горизонт из панельных домов,
параллели бездушных застроек.
Организм человеческий стоек:
он со всем примириться готов.

А за городом рои метут
золотые опавшие листья,
и неслышной походкою лисьей
холода потихоньку ползут.

Бесполезных сует череда:
поспешай, сукин сын, растаковский.
Тут, пожалуй, потянет к «Московской»
с веком общность найти...
Это да!..

ВОСПОМИНАНИЕ О СГОРЕВШЕМ И УТОПЛЕННОМ ГОРОДЕ

(Ноктюрн)

В начале шестидесятых годов
прошлого века строили плотину
Братской ГЭС. Старый город
Братск сожгли и утопили.
Вывезли лишь одну башню
острога в Коломенское, в Москву,
а другую — на мыс Пурсей в новый,
еще не построенный город Братск.
Там они и стоят ныне.
А вы ноктюрн сыграть могли бы
на флейтах водосточных труб?..

Владимир Маяковский

Старый город горел.
Деревянный стариннейший город.
Я был весел,
был отчаянно молод,
и на город горящий бездумно глядел.
У огромных кострищ,
сняв голицы,
грел усталые руки,
грел тяжелые руки —
никакой не испытывал
ни тревоги,
ни муки.

Польхали дома.
Жарким пламенем брались сараи, заборы.
Стало много вокруг пепелищ
и почти не осталось домов.
Не осталось домов —
погорели,
рассыпались в прах
общежития,
клубы,
магазины,
конторы.
Погорели дома,
жизнь ушла из которых.
Привкус гари запекся на наших губах.

Польхали дома.
Ночь плыла
над Сибирью,
над сибирской Окой
и над Братском.
Яро рвался огонь —
все хотел до тайги недалеко добраться.
Но безмолвно стояла тайга —
ей еще здесь придется во всем
разобраться.
Старый город горел.

И невидимый дым
поднимался в безмолвное черное зимнее небо.
Мы работали.
Делали дело.
Город жгли.
Наступленье на прошлое наше вели.

На дрожащий огонь опускался снежок
белый-белый,
а навстречу ему
поднимался невидимый дым,
результат всего дела.

Ночь плыла.
Мы спокойно вершили дела.
Поднимался невидимый дым.
Опускался снежок белый-белый.
Мы работали молча.
Нам поручено важное дело.
И отпущен положенный срок.
Мы успеем.
Мы сделаем дело.
Уставать не хотело молодое и сильное тело.
Пусть вокруг поднимается белый невидимый
дым!

Верил я,
Что останусь всегда молодым.

**ВСПОМНИВ АНАТОЛИЯ
ПЕРЕДРЕЕВА И ЕГО
ЗАБРОШЕННУЮ МОГИЛУ
ПОД ГУДЯЩИМИ
ВЫСОКОВОЛЬТНЫМИ
ПРОВОДАМИ НА СТАРОМ
ВОСТРЯКОВСКОМ КЛАДБИЩЕ**

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.
Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где все разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба — лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита...
Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И все ли вы забыли?..

Н. Заболоцкий. Прощание с друзьями

Мы шагали вперед наугад,
а о прошлом метели пропели,
прокатилась вся жизнь невпопад,
и прожить мы ее не сумели.

Пролетели, пропели метели,
так пропели, что только держись!
Оглянуться, милоч, не успели
на свою бестолковую жизнь.

Пронеслась она в тихом разгоне,
прокатилась, как сон, в никуда.
И туда не затеешь погони:
дело прошлое — все ерунда.

Юность шалая нам подмигнула,
прошмыгнула на скоростях,
и заботой осанку пригнула,
и надежды рассеяла в прах.

По равнине, укрытой снегами,
По угорам, по хмурым лесам
мы искали, что было не с нами.
Не нашли. Это знаешь ты сам.

Торопливые годы остались
за твоей и моею спиной,
а безмерная наша усталость
оправдала пришедший покой.

По-иному мы жить не хотели:
не по нраву, так не берись.
Пролетели, пропели метели.
Так пропели, что только держись.

**ВСПОМНИВ НИКОЛАЯ РУБЦОВА
НА ОКРАИНЕ ГОРОДА МОСКВЫ,
В РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОМ
САНАТОРИИ, СОЗДАННОМ
КОГДА-ТО
ПОСРЕДИ СОСНОВОГО БОРА**

«Сосновый бор» — одно название
осталось с давних, дальних пор.
Пылят дороги. Застят зданья
пропавший в прошлом кругозор.

Но я среди аллей тенистых
и ярких городских цветов
игру воскресных гармонистов
за сосен шум принять готов.

И грохот шалой электрички
не весел вовсе, не угрюм.
Пусть громыхает. Жизнь отлична.
Стихи отличны «Сосен шум...».

Все громче голоса гармоней
и современных песен гам.
Отсутствие былых гармоний
теперь понятней стало нам.

Сместилось время — и пропала
покрытая годами даль.
Осталось и восторга мало.
А прошлого почти не жаль...

ДОНСКАЯ ПЕСНЯ

Все быльем поросло, кровь угомонилась,
не осталось в душе прежнего огня.
Отчего же, скажи, снова ты приснилась?
И слова слышу я: «Пожалей меня...»
На польный закат наплывает вечер,
а в далекой степи ты не ждешь меня,
да и я помолчу... что тебе отвечу?
«Пожалей, пожалей, полюби меня...»
Я в былое гляжу трезвыми глазами
и, пожалуй, скажу, прошлое храня:
в этом прошлом своем мы виновны сами...
«Пожалей, полюби, но только не меня...»
Не вернуть дальних дней —
и не в них отрада.
Все прошло, все ушло, и — не возратить.
Потому повторить мне сегодня надо:
никогда не могла ты меня любить.
Все быльем поросло, кровь угомонилась,
не осталось в душе прежнего огня.
Отчего же, скажи, ты опять приснилась?
И слова слышу я: «Пожалей меня...»

* * *

Знать бы, для чего прошагал белый свет,
Маялся, любил и скитался...
Шлет земля родная свой последний привет
Все зовет и зовет: оставайся!
Что искал, того не нашел ни на миг,
С тем, что так таил — распрощался.
Знает только Бог, для чего я возник.
Был, и есть, и вскоре распался.
Я бы вас пытал, но кто даст мне ответ?
Не пришлось ответа дожидаться.
Ах, как нелегко глядеть на белый мне свет
Но еще трудней расставаться.
Слышу, вдалеке где-то птицы поют.
А душе моей нет покоя.
Вот моя земля.
Здесь мой последний приют.
Здесь меня навек успокоят.
А душа уйдет в голубые поля.
Память потеряет и волю.
И навек исчезнет родная земля.
Будет лишь покой моей долей...

* * *

Захотелось бездну перейти —
что-то помешало на пути.
И поплелся рядом, вдоль обрыва,
не боясь сердечного надрыва,
Вместо риска — маета одна:
глупая сварливая жена
и вдобавок — две сварливых дочки.
Служба, лысина, пивное брюхо. Точка.
А замах! Соблазна не отнять —
к бездне приближается опять:
манит с того берега бесконечность.
Гонор есть, и соблазняет вечность.
Да, гордыня есть, ни дать ни взять.
Тяжко ждать и нелегко принять.

* * *

Благодарю тебя, Отчизна...

Владимир Набоков

Зову, зову, а нет ответа,
и эха нет в душе моей,
лишь от заката до рассвета
истошно плачет соловей,
лишь от рассвета до заката
нести душа не устает
полузабытой жизни даты,
привычных дней железный ход.
И не похмелье,
и не тризна,
на перепутье трех дорог —
в любви твоей,
моя Отчизна,
как в одиночестве, продрог.

* * *

Звезда зеленая горит.
Ее лучи в ночи мерцают —
То вспыхнут, то безмолвно тают.
Звезда зеленая горит.
Горит в чернеющей дали
Призывно так и так раздольно,
Что я задумаюсь невольно,
И сердцу сразу станет больно:
Как далеко ей до земли!..

Она к себе зовет, зовет,
Она к себе беззвучно просит,
Как пламенеющая осень,
Как нескончаемый полет.

* * *

Художник выстрадает холст,
потом продаст его кому-то.
Как путь его в искусстве прост,
но как печальна та минута!

И вот взлелеянный сюжет
и вдохновенной краски ярость
отдаст он за простой обед,
за самую такую малость...

* * *

Беспечен, но не прям
мой путь и мой удел,
но я их выбрал сам
среди суетливых дел.

Безрадостен ночлег,
высок чужой порог,
не по плечу наш век,
не по уму урок.

И, словно среди снов,
блуждать по жизни мне,
и снова среди слов
гореть в пустом огне.

Не отдохнешь в ночлег,
да и урок не впрок:
не по дыхалке бег,
уроку — малый срок.

* * *

Алеют паруса несбывшейся мечты.
За горизонтом лет —
оставленное детство.
Забывших снов неяркие цветы
достались мне от прошлого в наследство.
Ушедшего я вспомнить не могу —
живой цветок в нем вряд ли вдруг
отыщешь.
У памяти на голом берегу —
слов головешки, словно в пепелище.
Алеют паруса.
Зовут меня, зовут.
Но некогда мне нынче оглянуться
на ласковые дни,
на призрачный уют...

Ах, детство дальше, в тебе не остаются.

РОЖДЕНИЕ СЛОВА

Слово не воробей:
Вылетит — не поймаешь.
Русская поговорка

Живого слова не слышать —
оно не оседает в книгах.
Оно рождается из мига,
чтобы исчезнуть в нем опять.

Оно еще не родилось,
а грудь предчувствием стеснило,
забилось и заполонило,
застряло, словно в горле кость.

Потом неловкость сразу вдруг
исчезнет в нужное мгновенье.
Родилось слово откровенья!
Не упускай его из рук!

Но — поздно. Словно бы туман
все заволакивает тяжкий,
и вместо слова — лишь обман,
и чудятся одни промашки.

Однако лучше стало жить,
дышать легко и вольно стало.
Пора опять начать сначала
Искать. И слово повторить.

* * *

Ну, дрался, конечно.
Ну, пил иногда.
Так и дни проходили,
так промчались года.
Нас порой и любили,
да и то не всегда.

Вот ударило время,
и — все позади.
Так почто мне стремиться
куда-то уйти?!
Но упрямство и гордость
(а может, резон?)
наплывают и катят
со всех со сторон.
«Не ходи, не пытайся —
исчезли года!..»

Повернулся и вышел
из мечты в никуда.
Ну зачем вы когда-то
затянули в мечту?...

А теперь жди расплаты
за свою маету.

* * *

Круг замкнулся.
Я вернулся,
к дому отчему пришел
и по-детски улыбнулся:
что искал, то и нашел.
А нашел-то я не где-то
в тридесатой стороне.
Я теперь на склоне лета,
осень близкая согрета
и полна такого света
для меня — спокойно мне.
Вот и все.
Покой и воля
и бессмертная душа.
Что еще нам надо боле?
Жизнь, как сказка, хороша.

КУПАНИЕ КРАСНОГО КОНЯ

Памяти Петрова-Водкина

Ночь не совсем ушла, но полномочья
Забрал рассвет, и начинался день,
А все еще река дышала ночью,
И горы — в серых шапках набекрень.

Здесь начиналось чудо превращения:
Из лунного литого серебра,
Из мертвой неподвижности в движенье
Вошла река, спокойна и добра.

И струи ледящего металла
Ласкали тело красного коня,
А мертвое — от света отлетало
И опадало медленно, устало,
И все живое вновь торжествовало
В потоках наплывающего дня.

Вся простота открывшегося дива
Естественной казалась для меня.
И в свете солнца полночь уходила.
И вводила черного коня.

КУПАНИЕ КРАСНОГО КОНЯ 2

Памяти Петрова-Водкина

Когда заря заполонила небо —
рассвет родил свободу и простор,
Такую фантастическую небыль
увидел я в реке, бегущей с гор.
Ночь не совсем ушла, но полномочья
забрал рассвет, и начинался день.
А все еще река дышала ночью,
и замер лес в папахе набекрень.
Так начиналось чудо превращения:
Из лунного литого серебра,
из мертвой неподвижности в движенье
вошла река, спокойна и добра.
И струи ледящего металла
ласкали тело красного коня,
а мертвое — от света отлетало
и опадало медленно, устало,
и все живое вновь торжествовало
в потоках наплывающего дня.
И простота открывшегося дива
естественною стала для меня.
И в свете солнца полночь уходила
и вводила черного коня.

* * *

Мне слова последние
рано говорить.
Поглядеть бы во поле —
там закат горит.
Погодить бы времечка:
то-то будет час!

И еще по темечку
всех прихлопнут нас!

МАЛЕНЬКОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О ТРОСТНИКЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Человек — мыслящий тростник.
(Философское определение)

Не тростник высок кольшется,
Не дубровушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат...
Иван Суриков

Он появился сразу вдруг.
Откуда он возник?
Конечно, он не явный друг,
Но *мыслящий тростник!*

Я не скажу, что он двойник —
Совсем наоборот,
Но этот *мыслящий тростник*
В полон меня берет.

В мою он прочно жизнь вошел.
Я головой поник.
Конечно, он амикашон,
Но *мыслящий тростник!*

Вот не хватало мне забот
(Но был упущен миг),
Тот обормот все заберет:
Он — *мыслящий тростник!*

И нету выхода пока
Решить сей анекдот...
Сплести циновку с тростника...
Быть может, он уйдет.

**МОЛИТВЕННО ВСПОМНИВ
БЕЗВИННО УБИЕННОГО
НИКОЛАЯ РУБЦОВА И
СИРОТЛИВУЮ ЖИЗНЬ ЕГО**

... спасай Россию!
Народная присказка

Чего нам горе горевать,
виденья помня на холме?
Земли родимой благодать
приснится нынче лишь во сне:

увидишь землю и зарю,
родные реки, лес и яры...
Да что об этом говорю?! —
Вокруг химеры и кошмары.

И вот, куда ни кинешь взор,
стенанья тихие услышишь,
поймешь: стоит такой разор,
какой и словом не опишешь!

Куда мне, сирому, пойти?
Куда главою приклониться?
Встают, маячат на пути
свиные хари, а не лица.

И *сосен* шум почти не слышен,
не светит нам *звезда полей*.
Расстрелян, бит, забит, унижен
живет народ, как прохиндей.

Забудет он отца и мать,
забудет и себя, наверно,
придется горе горевать
при нынешней безмерной скверне.

Опять я о земле скорблю —
по ней не раз ползли напасти —
и знаю: родину свою
Пора спасать от гнусной власти.

Ведь родина нас родила.
Такие, Господи, дела...

О РЫБАКЕ

Рыбак собрался на подледный лов —
предел мечтаний и всегдашних снов.
Отменно зная,
где и как клюет,
какую надобно иметь приманку,
проснулся затемно
и вышел спозаранку,
чтоб отыскать хороший прочный лед.
А сколько у него своих забот,
которых нам с тобой не знать вовеки!
Он помнит, где какой сазан живет
где добычливые протекают реки.
Он снаряжен добротнo для пути.
Для лова снаряжен.
Для отдыха снабжен.
И чтоб удачей был улов отмечен,
терпением сторицей обеспечен.
Ему ль свою удачу не найти,
когда известны трудности пути?
Он лунку аккуратную пробьет,
разложит снасти
и умерит страсти,
поскольку точно знает наперед,
почем, наверное, рыбацье счастье.

ОТЪЕЗД

Мы уезжали от зари на запад.
А был рассвет. И синяя весна.
И расплывался мокрый терпкий запах
цветов. И расплывались голоса.
Всю эту влажность, южность,
эту нежность
мы увезти с собою не могли
в тревожащую нашу неизвестность,
оставленную на краю земли.
Весна была.
И грозы шли.
И зелень
рвалась в полях зарю заполнить,
но не было весеннего веселья,
и вовсе не хотелось говорить...
А поезд плыл
то в тишине,
то в громе.
И выплывал он в океаны зорь.
И ничего нам не хотелось, кроме
полей зеленых на отрогах гор.

* * *

Чего жалеть? Ведь каждый
в мире странник.

С. Есенин

Пойти за тридевять земель
и в тридесятом царстве
отыскать Жар-Птицу.
А после — в дом родимый воротиться,
тихонько отворить
скрипучую родную дверь.

Но только обгоняет век меня,
наивного шагателя вселенной,
неисправимого мечтателя деревни,
ползущего по склону дня.

Я на родном пороге, в тишине,
в дорогах своих путаных закаюсь —
теперь-то я ничем не увлекаюсь:
мечты не возвращаются ко мне.

Вот дом пустой! Московская квартира!
Соседей коммунальных суета.
Уйду отсюда. Обойду полмира.
И снова — возвращаться мне сюда?!

Но здесь меня никто не привечает.
Но здесь меня давно никто не ждет.
Часы до встречи здесь не отмечают
и не торопятся в аэропорт.

ПРАВОСЛАВНЫЕ СТРОКИ

Восстаньте и уходите, ибо страна
сия не есть место покоя.

Книга пророка Михея. Гл. 2, ст. 10

С вечера в ночь суждено нам идти.
Что меня ждет на остатнем пути?

Разве увижу во тьме своей жизни
Благо страны и волю отчизны?

Вижу и чую — сгущается мрак,
Жизнь превращается в мерзкий кабак.

Все очертанья расплылись во мгле —
Тяжко живется на грешной земле.

Только уверен, что тьма не всегда:
Солнце взойдет — и растает беда.

Тьма уплывет, и мрак уползет.
Светлое утро, конечно, взойдет.

Утро иное — о прошлом забудь —
Ждет нас один предначертанный путь.

Брезжит рассвет. Это Бог помогает.
Он и ведет. Он и спасает.

Но не зарекись от сумы и тюрьмы.
Бог-то спасет, а спасемся ли мы?

ПРО СОБАКУ

Легко и торжественно, привычно и гордо
собака несет собачью морду.

За нею, связанный поводком, как судьбой,
идет хозяин с понурой головой
и все бормочет: «Вот бежит собака,
бежит собака, крупная, однако...»

Со стороны не разобрать:

кто хозяин, кто пес —

ловко природа закрутила вопрос.

Природа поступила мудро.

Проходит день. Опять приходит утро.
И снова собака гордую морду несет,
а за ней хозяин покорно понуро бредет,
идет и бормочет: «Вот бежит собака,
бежит собака, крупная, однако...»

* * *

Прошла пора простых вещей:
мир усложнился небывало.
А так хотелось русских щей,
а так хотелось каши с салом.
Но мне подсунут антрекот,
шашлык приносят и сациви.

Скажи, какой же идиот
все перепутал в этом мире?!

* * *

Пережитое — вновь не прожить,
позабывтое вовсе не вспомнить,
оттого и не стоит тужить
и выдумывать скучную повесть.
Позабытый, затерянный путь
растворится в сиреновой дымке,
и пора бы уже отдохнуть
человеку-нулю-невидимке.
Он, конечно, бедняга, устал,
от себя где-то вдруг поотстал,
и не ищет себя, и не тужит,
а чиновником маленьким служит.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

В решающий миг испытаний
на рушащийся небосвод
нисходит огня полыханье,
нисходит дыханье свобод.

Свободы дышать и трудиться,
свободы любить и страдать,
от мира борьбы удалиться
и к миру покоя пристать.

Но мы на беспутье застыли —
вопросов не задаем.
И будто бы вовсе не жили
в расхристанном мире своем.

КАЗАК НАШ УДАЛОЙ

С именем известного московского писателя Владимира Дробышева связана целая эпоха в литературном мире Москвы. Его квартира на Сретенке притягивала к себе творческие личности всех рангов. Гости уходили, унося яркие впечатления от уникальной библиотеки, множества старинных икон и самоваров, других, собранных заботливой рукой предметов русского быта. Но самое яркое впечатление всегда оставляла личность самого хозяина. Он любит повторять: «Надо собирать вчерашний день» — и кивает при этом на свои сокровища. А «вчерашний день» этого замечательного человека — долгая сознательная жизнь, полная тревог и ярких событий. Главной философией Дробышева давно стала русская идея. За русский дух и русскую культуру он борется непреклонно и бескомпромиссно. Суть этой идеи — в духовном возрождении России.

Владимир Васильевич Дробышев родился в семье боевого лётчика, героя войны с фашизмом. В детстве пришлось пожить в Германии, потом в городе Грозном, где он, будучи ещё совсем юным, работал учителем. В шестидесятые годы вместе с послевоенным поколением юношей он поехал возводить Братскую ГЭС. Самоотверженно работал там и поступил учиться в Московский университет. Дробышев сразу попал в круг талантливых молодых прозаиков и поэтов, среди которых можно назвать Анатолия Передреева,

Николая Рубцова, Станислава Куняева, Николая Тряпкина, Владимира Соколова, Юрия Кузнецова, Игоря Шкляревского и других ярко начинающих в те годы писателей и поэтов. Незаурядный литературный вкус и образование пригодились ему, когда он поступил на работу в редакцию журнала, а потом значительного московского издательства. В этом качестве он помог многим литераторам выпустить первую книгу. К его слову прислушивались, с ним советовались. Интересен факт, что сам Михаил Шолохов показывал Дробышеву свои стихи. Великому писателю очень понравилась мысль молодого литератора о том, что «Тихий Дон» — это поэма. Дробышев дружил и участвовал в работе над книгами известного писателя Бориса Можжева. Всех его метких и ёмких суждений о творчестве того или иного писателя не перечислишь.

Этот бескомпромиссный подвижник Духа и Дела отличается также удивительной гибкостью ума, искромётной иронией по поводу завышенного самомнения некоторых писателей о их значении для Отечества. Такая своеобразная эстетическая «дробышевская планка», слава Богу, существует и поныне.

Особо хочу отметить, что Дробышев воспитал более десяти членов Союза писателей, многие из которых стали ведущими в масштабах страны. Сам же не стал вступать в СП. Причина, по которой он отверг членство, весьма чётко определяет его личность и характер. Он говорит: «Я не хотел вступать в Союз писателей потому, что в первом

пункте Устава было записано: советский писатель должен быть верен идее марксизма-ленинизма...» В советское время на этот поступок надо было решиться!.. Но и без писательского билета Дробышев всегда был и остаётся писателем и гражданином. Он является составителем многих книг патриотического направления, в том числе и книг об истории казачества.

Всё, что делает Владимир Васильевич, имеет своей конечной целью пойти на благо Отечества. Об этом красноречиво говорит его последний гражданский поступок: он официально передал часть своей уникальной поэтической библиотеки с автографами Академии поэзии и тем самым стал основателем мемориальной библиотеки Академии поэзии.

И, наконец, мы знаем поэта Владимира Дробышева. Пусть он не докучал редакциям своими стихами, не претендовал на первенство в кругу своих друзей-поэтов, у него есть несколько стихотворений, издание которых сделало бы честь любому столичному журналу. Да, собственно, сама жизнь Владимира Дробышева — это страстное стихотворение, полное любви к прошлому, настоящему и грядущему нашей Родины, осенённое верой в Бога и в людей.

Валерий ИВАНОВ
«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ».
17.12.99. №49 (1921)

ТАЙНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

В заключение мне хотелось бы сказать несколько слов о моем друге, о человеке, которого уже нет среди нас, ныне живущих, но без которого, вероятно, эта книга еще не скоро увидела бы своего читателя. Это почетный председатель «Общества сохранения литературного наследия» Владимир Васильевич Дробышев (†18.10.2002). Это был большой знаток и любитель книги. Еще когда он был молод, в советские времена, уже тогда он с большой любовью собирал и бережно хранил старые книги. Это были книги по русской истории, искусству, православная литература, путеводители по русским городам и многое другое. В то время огромное количество старых изданий было уничтожено, сжигались целые библиотеки, особенно церковные. Он собирал дореволюционные книги буквально по крупицам и был их вдумчивым читателем. Владимир Васильевич хранил глубокие познания о книгах, имея богатую внутреннюю культуру. Умирая, он мог сказать, как сказал в свое время умирающий А.С. Пушкин, глядя на книги: «Прощайте, друзья». Он умел и готов был говорить о них увлекательно, как мало кто может в наше время. Говорить с ним было легко и интересно.

Обширная издательская деятельность нашего

времени ведется вопреки сложившимся к концу XX века историческим условиям, и это отраднo. Но люди, которые переиздают книги, в большинстве своем не обладают такими всеохватывающими книжными знаниями, какие были у Владимира Васильевичи. Не случайно он был почетным председателем «Общества сохранения литературного наследия». Сейчас очень часто люди случайно встречают хорошую книгу и по возможности ее переиздают. К сожалению, по историческим обстоятельствам, у нас пока не сложилось условий для систематического и планомерного воспроизводства утраченной литературы. В общем-то, она — эта старая русская литература — никем не охвачена на самом деле. Огромное количество книг духовно-нравственного направления не оценено, не изучено. Иметь правильный, тематически выверенный порядок всего, что было достойного издано в старой, дореволюционной России, и иметь возможность каждому заинтересованному человеку получить эту информацию, получить необходимые комментарии — пока, к сожалению, подобная система не действует, все происходит стихийно. В.В. Дробышев как раз отличался тем, что в своей богатой библиотеке он старался создать тематический порядок и охотно делился со всеми своими знаниями. Он имел множество и светской литературы,

хорошо разбирался в истории литературы, в том числе и зарубежных стран. И я думаю, можно сказать, что если книга приходит из библиотеки Владимира Васильевича Дробышева (как и эта), то значит, это хорошая книга.

При своей жизни, занимая место почетного председателя «Общества сохранения литературного наследия», он мог задавать направление в его развитии и деятельности. Это как раз то, чего сейчас многим издателям, в том числе православной литературы, не хватает. Поэтому отраднo, что еще одна новая книга из библиотеки В.В. Дробышева выходит в свет. В этом отдельном факте можно видеть заслугу людей, которые спасали в то трудное время книги, и заслуга их перед нынешним поколением чрезвычайно велика. Закончил Владимир Васильевич Дробышев свою земную жизнь как благочестивый христианин, принеся покаяние. Вечная ему память.

Из вступительного слова
протоиерея Александра Салтыкова,
настоятеля храма Воскресения Христова в Кадашах
к книге «Тайный благодетель». Москва, июль 2003 г.,
записал Л.Г. Рудин.

СОДЕРЖАНИЕ

Своя у каждого печаль	5
Давно мой путь по жизни начат	6
Луг у реки ромашками зарос	7
Рука не пишет вензелей	8
Над солнечным палящим летом.....	9
Не страна разорилась.....	10
Меня о многом не спросили.....	11
Стансы.....	12
Стоит вспомнить о городе Братске.....	13
Строки о правде и истине.....	14
Синие хребты Хамардабана.....	16
Так спокойна озерная гладь	17
В этом диком, пустынном пейзаже.....	18
Воспоминания о дороге	19
Воспоминания о столичной жизни.....	21
Воспоминания о сгоревшем и утопленном городе (Ноктюрн)	22
Вспомнив Анатолия Передреева и его заброшенную могилу под гудящими высоковольтными проводами на старом Востряковском кладбище	25
Вспомнив Николая Рубцова на окраине города Москвы, в Рабоче- крестьянском санатории, созданном когда-то посреди соснового бора.....	27
Донская песня.....	29
Знать бы, для чего прошагал белый свет	30
Захотелось бездну перейти	31
Зову, зову, а нет ответа.....	32
Звезда зеленая горит.....	33

Художник выстрадает холст	34
Беспечен, но не прям.....	35
Алеют паруса несбывшейся мечты	36
Рождение слова	37
Ну, дрался, конечно	38
Круг замкнулся.....	39
Купание красного коня.....	40
Купание красного коня 2.....	41
Мне слова последние	42
Маленькое размышление о тростнике и человеке	43
Молитвенно вспомнив безвинно убиенного Николая Рубцова и сиротливую жизнь его	45
О рыбаке	47
Отъезд.....	48
Пойти за тридевять земель	49
Православные строки.....	51
Про собаку.....	52
Прошла пора простых вещей.....	53
Пережитое — вновь не прожить	54
Перед грозой	55

Владимир Васильевич Дробышев

СТИХОТВОРЕНИЯ

Об изданиях «Общества сохранения литературного наследия» («ОСЛН») читайте на сайтах:

www.knigaln.ru, www.osln.ru

Адрес для писем: 1090446 Москва а/я 22;
e-mail: litnas@mail.ru

Юр. адрес: 107258. г. Москва, ул. 1-я Бухвостова,
д.12/11, корп. 17-18, ком. 215
Тел. 8(495) 589-81-33

Директор АНО «ОСЛН» Л.Г. Рудин
Верстка Н.А. Фиткулин
Корректор Л.И. Смирнова
Обложка — Мягков Д.В.

Подписано в печать 28.12. 2015. Формат 120х165/32
Объем 35 п. л. Тираж 2000 экз. Заказ № ...